

MILHIST

INFO

История военного дела: исследования и источники
Специальный выпуск VI

Русский «бог войны»: исследования и источники по истории отечественной артиллерии

ЧАСТЬ IV

Санкт-Петербург
2018

Редакция журнала:

К.В. Нагорный

В.В. Пенской

А.Н. Лобин

Редакционная коллегия:

кандидат исторических наук О.В. Ковтунова

кандидат исторических наук А.Н. Лобин

кандидат исторических наук Д.Н. Меншиков

кандидат исторических наук Е.И. Юркевич

Ph.D. Eman M. Vovsi

История военного дела: исследования и источники. — 2018. — Специальный выпуск. VI. Русский «бог войны»: исследования и источники по истории отечественной артиллерии — Ч. IV. [Электронный ресурс] <http://www.milhist.info/spec_6>

© www.milhist.info

© Джигоева А.Р.

MILHIST

INFO

УДК 94(47).05
ББК 63.3(2)46

Джиоева А.Р. Материалы к истории воинских регалий и церемониальных традиций русской артиллерии в первой половине XVIII века

Работа посвящена воинским регалиям Артиллерийского полка первой половины XVIII в., людям, усилиями которых эти регалии - знамена, литавры, трубы и барабаны - включались в церемониальные традиции полка. Источниковой базой исследования являются материалы делопроизводства XVIII в. Приказа Артиллерии и Канцелярии Главной артиллерии и Фортификации в архиве Военно-исторического Музея артиллерии, инженерных войск и войск связи.

Ключевые слова: XVIIIв., Артиллерийский полк, церемониал, воинские регалии, военная история

Автор: Джиоева Анна Рослановна. Россия, Санкт-Петербург Научный сотрудник БАН. В 2002 г. окончила исторический факультет СПбГУ. В 2009 г. защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме "Золотошвейное рукоделие великокняжеских и царских мастерских XV-XVI вв." Область научных интересов: история России XV-XVIII вв., декоративно-прикладное искусство, вспомогательные исторические дисциплины annajioeva@gmail.com.

Литература, использованная в статье:

Яковлев Л. Русские старинные знамена. — М., 1865.

Бенда В.Н. «Присяга на верность...» как одно из средств формирования традиций Русской армии и патриотизма в России XVIII в. // Вестник Челябинского государственного университета. — 2009. — № 12 (150). — Вып. 31.

Бранденбург Н.Е. Об артиллерийском знамени в XVIII столетии // Артиллерийский журнал. — 1885. — № 4. — С. 225-229.

Ефимов С.В., Маковская Л.К., Филимон А.Н. От Гродно до Калиша: Я.В. Брюс в 1706 г. // Архив генерал-фельдцейхмейстера Якова Вилимовича Брюса. Т. 2. Письма Я.В. Брюса (1705-1706 гг.). — СПб., 2005.

Круглова А.Р., Смоленчук Е.В. Еще раз об артиллерийском знамени 1745 года. Сборник исследований и материалов Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. — СПб., 2010. — Вып. IX.

Лукомский В.К. К вопросу о происхождении Смоленского герба // Труды Историко-архивного института. — М., 1946. — Т. 2.

- Луппов С.П. Книга в России в первой четверти XVIII века. — Л., 1973.
- Symbola et Emblemata. Amsterdam, 1705. P. 16-17 (№ 43), 22-23 (№ 62), 135 (№ 400, 401).
- [Белавенец П.И. Краткая записка о старых русских знаменах.](#) — СПб., 1911.
- Егоров В.И. «По усмотрению генералов фельдцейхмейстеров...» О мундире артиллерийского и инженерного корпусов 1721-1761 // Наш восемнадцатый век: Военный сборник. — М., 2014.
- Недоспасова А.П. Как царь Петр взятыми под Полтавой «швецкими габоями» отечеству пользу учинил // Петровское время в лицах - 2014: К 300-летию победы при Гангуте (1714-2014). материалы научной конференции. Труды Государственного Эрмитажа. Т. 73. — СПб., 2014.
- Миних Б.К., фон. Диспозиция и церемониал торжественного въезда императрицы Анны Ивановны в С.-Петербург 16 января 1732 года / Сообщ. М.Д. Хмыров // Русский архив. — 1867. — Вып. 3.
- Захарова О.Ф. Власть церемониалов и церемониалы власти в Российской империи XVIII — начала XX века. — М., 2003.
- Тутунов В.И. История военной музыки Росси. — М., 2005.
- Приказы графа Миниха за 1736-1738 гг. — СПб., 1904.
- Манштейн Х.Г. Записки Манштейна о России. 1727-1744. — СПб., 1875.
- Ставучанский поход: Документы 1739 г. — СПб., 1892.
- Свиньин п.П. Достопамятности Санкт-Петербурга и его окрестностей. Ч. II. — СПб., 1816.
- Струков Д.П. Архив Русской Артиллерии. Т. I. (1706-1718 гг.) — СПб., 1889.
- Львовский П.Д. Знамена Отечественной артиллерии: Исторический очерк // Сборник исследований и материалов Артиллерийского исторического музея. — Л., 1958. — Вып. 2.
- Маковская Л.К. Уникальные памятники военной истории // Музей военной истории и боевой славы: Сборник статей и материалов, посвященных 240-летию музея. — СПб., 1996. — Вып. 7.
- [Круглова А.Р. Новая атрибуция артиллерийского полкового знамени](#) // Война и оружие: Новые исследования и материалы. Труды Третьей международной научно-практической конференции. — СПб., 2012. — Ч. 2.
- [Мамаев К.К. Символика знамен петровского времени](#) // Труды Государственного Эрмитажа. — Л., 1970. — Т. XI.

Ссылка для размещения в Интернете:

<http://www.milhist.info/2018/03/29/djioeva>

Ссылка для печатных изданий:

Джioева А.Р. Материалы к истории воинских регалий и церемониальных традиций русской артиллерии в первой половине XVIII века [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2018. — Специальный выпуск VI. Русский «бог войны»: исследования и источники по истории отечественной артиллерии. — Ч. IV. — С. 545-570 <<http://www.milhist.info/2018/03/29/djioeva>> (29.03.2018).

Djioeva A. Documents related to the military regalia and ceremonial traditions of the Russian army in the first half of the eighteenth century

The article researches the military regalia of the Artillery regiment of the Russian army for the first half of the eighteenth century. The special part is dedicated to the special members of the regimental staff responsible for inclusion of these regalia, such as banners, trumpets, drums and kettledrums – in the ceremonial traditions. The majority of the primary sources are derived from special archival collection at the Artillery Museum in St.-Petersbourg, Russia.

Keywords: eighteenth century; Artillery Regiment; ceremonials; military regalia; military history

Author: Ana R. Djioeva, Ph.d., is a research fellow at the St.-Petersbourg's Academy of science. Her specialty is the fifteenth to the eighteenth centuries' general Russian history and its applied arts annajioeva@gmail.com.

References:

Benda V.N. «Prisjaga na vernost'...» kak odno iz sredstv formirovanija tradicij Russkoj armii i patriotizma v Rossii XVIII v. ["Oath of allegiance..." as one of the means of forming the traditions of the Russian army and patriotism in Russia XVIII century] // Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. — 2009. — № 12 (150). — Vyp. 31.

Brandenburg N.E. Ob artillerijskom znamenii v XVIII stoletii [About the artillery banner in the XVIII century] // Artillerijskij zhurnal. — 1885. — № 4. — S. 225-229.

Efimov S.V., Makovskaja L.K., Filimon A.N. Ot Grodno do Kalisha: Ja.V. Brjus v 1706 g. [From Grodno to Kalisz: Y. V. Bruce in 1706] // Arhiv general-fel'dcejhmejstera Jakova Vilimovicha Brjusa. T. 2. Pis'ma Ja.V. Brjusa (1705-1706 gg.). — SPb., 2005.

Lukomskij V.K. K voprosu o proishozhdenii Smolenskogo gerba [On the origin of the Smolensk coat of arms] // Trudy Istoriko-arhivnogo instituta. — M., 1946. — T. 2.

Symbola et Emblemata. Amsterdam, 1705. P. 16-17 (№ 43), 22-23 (№ 62), 135 (№ 400, 401).

[Belavenec P.I. Kratkaja zapiska o staryh russkikh znamenah](#) [Brief note on the old Russian banners. — SPb., 1911]. — SPb., 1911.

Egorov V.I. «Po usmotreniju generalov fel'dcejhmejstеров...» O mundire artillerijskogo i inzhenernogo korpusov 1721-1761 [On the uniform of the artillery and engineering corps 1721-1761] // Nash vosemnadcatyj vek: Voennyj sbornik. — M., 2014.

L'vovskij P.D. Znamena Otechestvennoj artillerii: Istoricheskij ocherk [The banner of domestic artillery: Historical sketch] // Sbornik issledovanij i materialov Artillerijskogo istoricheskogo muzeja. — L., 1958. — Vyp. 2.

Makovskaja L.K. Unikal'nye pamjatniki voennoj istorii [Unique monuments of military history] // Muzej voennoj istorii i boevoj slavy: Sbornik statej i materialov, posvjashhennyh 240-letiju muzeja. — SPb., 1996. — Vyp. 7.

[Kruglova A.R. Novaja atribucija artillerijskogo polkovogo znamenii](#) [New attribution artillery regimental banner] // Vojna i oruzhie: Novye issledovanija i materialy. Trudy Tret'ej mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoi konferencii. — SPb., 2012. — Ch. 2.

[Mamaev K.K. Simvolika znamen petrovskogo vremeni](#) [Symbolics of Peter's time banners] // Trudy Gosudarstvennogo Jermitazha. — L., 1970. — T. XI.

Internet link:

<http://www.milhist.info/2018/03/29/djioeva>

Reference:

Djioeva A. Documents related to the military regalia and ceremonial traditions of the Russian army in the first half of the eighteenth century [Electronic issue] // History of military arts: researches and sources. — 2018. — Special edition VI. Russian "God of War": studies and sources on the history of Russian artillery — Vol. IV. — P. 545-570 <<http://www.milhist.info/2018/03/29/djioeva>> (29.03.2018).

А.Р. Джиоева

МАТЕРИАЛЫ К ИСТОРИИ
ВОИНСКИХ РЕГАЛИЙ
И ЦЕРЕМОНИАЛЬНЫХ
ТРАДИЦИЙ
РУССКОЙ АРТИЛЛЕРИИ
в первой половине XVIII века

Как известно, взятый Петром I курс на ускоренную европеизацию русской культуры имел успех во многом благодаря реформам в армии, расширением ее функций и, разумеется, привитием новой идеологии и соответствующей этико-эстетической системы.

Ранее представлялось, что государь «с епископы» воссылал молитвы Богу за вверенный ему христианский народ, вместе с Церковью предстоял миру горнему в мольбах о спасении, даже в бою. И на поле боя, уже после сердечной молитвы царя, и все войско «с теплым вздоханием» готовилось к сече, а «знамена же и прапоры», по словам летописца, описавшего войско Ивана Васильевича перед штурмом Казани, «яко садове многоразлични овощи, или яко масличная дресеса многовидными цветы украшаеми, тихими благодатны ветры в славе велицеи колыбахуся»¹.

Однако в Новое время, вплотную придвинувшееся к бытию Московии в конце XVII в., интересы царя обратились к более практическим задачам, которые диктовались необходимостью преодолеть разрыв с европейскими государствами в состоянии материальной культуры и светских знаний и, конечно, в военном деле. Этой же цели теперь должны были служить царь, подчиниться Церковь и весь народ, включая иноверцев. Разумеется, такие изменения ориентиров государственной идеологии тут же стали визуально закрепляться в соответствующих образах, вернее, символах, эмблемах и аллегориях, выработанных

западноевропейской культурой. Ближайший пример — знамена нового образца с государственной символикой вместо прежних сложных иконографических композиций с тропарями и многими славословиями на полотнищах².

В петровской армии важнейшим таинством и концентратом новой формы обрядовости, или теперь уже церемониала, стала присяга³. Присяга и устав по значению в армии стали сопоставимы с Символом веры и Законом в Церкви. Слова присяги произносились в присутствии священника с Евангелием перед построением полком под полковым знаменем, выносившемся под барабанный бой или в сопровождении «кора» полковых музыкантов. Знамена, литавры, трубы и барабаны сразу стали составляющими комплекса военной эмблематики и полковыми регалиями, среди которых самой главной, конечно, было освященное знамя.

Большую часть артиллерийского полка в самые первые годы его существования, судя по ведомостям личного состава, все еще составляли прежние пушкарские знамена, которые заносились в ведомости об амуниционных и других вещах полка в течение первого десятилетия XVIII в. Позднее некоторые из них оказались в новгородском арсенале. Спустя время они были переданы в Оружейную палату Московского Кремля. Нам не известны пока знаменосцы тех лет, но в 1704 г. на службу в Артиллерию на должность «знаменщиков» были приняты два иностранца «из Саксонских земель», один из которых — Яган Горн — был определен в Киев, а другой — Яган Готлоб Кнебель — в полевую артиллерию полковым знаменосцем. В ведомостях он подписывался аккуратным изящным почерком как «*Johann Gottlob Knöbels*»⁴. Ему было доверено ношение полкового Пушкарского знамени, с которым он в том же 1704 г. был под Нарвой и участвовал в штурме города⁵.

Первое собственно артиллерийское знамя нового образца было прислано в полк только в 1705 г.⁶ В марте этого года оно было отправлено из Приказа Артиллерии через Псков в Смоленск в белом суконном чехле на подводах вместе с литавренной тележкой, литаврами и литавренными завесами. Завесы были из красного лудана (шелка или камки) с 7 кистями с серебром, отороченные серебряным кружевом, с изображением орла золотой краской, а знамя с древком и золоченым

железным «дротиком» (так в документах не раз называется навершие, гротик. — А.Д.) имело изображение «пушки на колесах» красками по белому шелку⁷.

Однако вскоре, в 1706 г., Я.В. Брюсом было велено сделать по высланному им чертежу еще одно новое знамя, на котором пушка должна была быть желтой, станок красным, а орел черным, и еще одни завесы, в этот раз белые, как и знамя, с изображением черного орла и желтой короны⁸.

Вероятно, знамя 1705 г. слишком быстро пришло в негодность. Документы 1706 г. сообщают также, что припасы, посланные в Смоленск, гниют под дождем «от мокротного времени»⁹, а на солнце трескается дерево, и что «надлежит» сделать походную переносную кровлю на столбах для укрытия этих припасов¹⁰. Возможно, порча от погодных условий и стала причиной замены всего комплекта артиллерийских регалий. Во всяком случае, Брюс летом 1706 г. очень беспокоился о скорейшем изготовлении и доставке нового знамени, литавренных завес и уже второй литавренной коляски, вел по этому поводу переписку с комиссаром Зыбиным¹¹. 16 июля Брюс, теряя надежду на своевременное получение из Москвы знамени, писал своему комиссару: «То ж буде у тебя не начато делать артиллерийское знамя и к литаврам завесы, и тележка, и ты оного делать не вели, и о сем ко мне отпиши немедленно. Так зделано будет, здесь, в походе»¹². Переписка эта свидетельствует о понимании Брюсом крайней необходимости иметь при артиллерии достойное знамя в комплекте с непременно литаврами, завесами для них и колесницей.

В июле была доделана колесница и сразу же, расписанная и вызолоченная, она была отправлена в «лехой лотке» по Днепру в Киев в сопровождении сержанта, которому было велено ехать днем и ночью, «не приставая к берегу, кроме самой нужды»¹³. 9 августа 1706 г. готовое знамя, обернутое «в полотно и в войлоки», было отправлено в ящике на подставных и почтовых лошадях с подьячим и двумя пушкарями «для провожания»¹⁴.

В этот раз Брюс создал хорошо продуманный комплекс артиллерийских регалий, которые вместе должны были смотреться очень броско. В расходных книгах комиссара Зыбина указаны расходы артиллерийской казны на изготовление литавренной коляски с дубовыми резными

панелями, на которых были вырезаны «*гербы*» и покрашены суриком, киноварью, золотом и серебром. Литаврщику был сшит парадный кафтан с нарядным серебряным галуном (портища красного сукна, кафтан красный на подкладке из камки, воротник, обшлага и епанча васильковые). Шапка шита золотом и серебром, перчатки, сапоги немецкие. Гербы на кафтане были вышиты золотом, серебром, желтым, белым и черным шелком¹⁵. Расшитая шапка была изготовлена и для фурмана (извозчика), управлявшего коляской. Литавры были украшены завесами, которые также были расшиты гербами в золоте и серебре, украшены шелковой лазоревой бахромой¹⁶. Бахромой же была щеголевато отделана обивка коляски. Резьбу на коляске делал один киевский мастер, расписывал другой его земляк, а за шитье расплачивались со старицей Киево-Печерского девичьего монастыря Марфой. Кроме того, медный гротик на знамени был вызолочен, а к знамени шит был красный чехол.

Более того, к этому внушительному комплексу полковых регалий были изготовлены новые барабаны, также расписанные изображениями гербов.

В донесениях Брюсу сообщается, что знамя делалось по чертежу с подписями на немецком языке и с приложенным переводом, «и то переводное письмо» послано вместе со знаменем «*для свидетельства*»¹⁷. В приложенном письме было сказано, что «*большое знаме*» должно быть из белой камки шириной 3 аршина с четвертью, длиной 3 аршина, и что в соответствии с чертежом пушка должна быть желтой, станок красным, а орел черным — все должно быть расписано «*хорошим письмом*» и лучшими красками; на литавренных завесах из белой же камки шириной 7 четвертей, длиной 5 четвертей — орел черный, корона желтая; бахрома — «*шелк белой и красной, и лазоревой*»¹⁸.

В ведомости артиллерийских припасов, находившихся во Пскове в 1706 г., указано в списке знамен «*2 знамя Государевых полковых*» и «*1 знамя Пушкарское, лудановое, драное*»¹⁹. Вероятно, эти «*2 знамя Государевых полковых*» и есть первые артиллерийские знамена с двуглавым орлом, т.е. государственный символ — двуглавый орел — был и на знамени 1705 г.

Автор чертежа знамени 1706 г. был иностранцем, не знавшим русского языка. Следовательно, это был не Брюс. Однако он, так или иначе,

участвовал в составлении эмблемы знамени. Понятно его желание лаконично выразить смысл и назначение войск, которыми он управлял. Яркие элементы гербовых изображений, удачно совместившиеся на знамени — двуглавый орел и пушка на станке — были заимствованы, соответственно, из Государственного герба и давно сложившегося герба Смоленска (с пушкой и сидящей на ней «птицей гамаюн»²⁰), который не раз к XVIII в. был опубликован в европейских гербовниках²¹. Кроме того, Я.В. Брюс, имел одну из лучших библиотек своего времени²², выписывал также необходимые книги из других собраний²³, и, разумеется, ему было знакомо издание «Символы и эмблемата», очередной тираж которого был напечатан по указу Петра в Амстердаме в 1705 г. с добавлением перевода девизов на русском языке. В России книга стала популярной после 1721 г., но Брюс мог воспользоваться ею и в 1705-м, и даже раньше — экземпляром без русских переводов. Представленные в книге эмблемы явно были использованы при составлении изображений новых знамен Русской регулярной армии XVIII в., включая артиллерийское полковое²⁴.

Вероятно, тогда же по геральдической традиции, поддерживаемой в XVII в. в иноземных полках на службе у русского государя²⁵ и активно перенимаемой от образцов западноевропейских знамен, включая трофейные²⁶, на артиллерийском знамени появился девиз на латыни, который повторяли при изготовлении последующих знамен и который уже точно был на артиллерийском знамени в 1720-м г.²⁷ — «*Tuetur et Terret*» (защищает и устрашает). Он как будто сложен из двух других, относившихся к эмблемам из указанного выше издания 1705 г. Эмблема с орлом на пушке, похожая композицией на герб города Смоленска, имеет девиз «Ни того, ни другого не боится», а к эмблеме с парящим орлом, держащим в лапе пучок молний, относится девиз «Защитение величества»²⁸. Смысл обоих девизов лапидарно соединен на артиллерийском знамени: «Защищает и устрашает».

До 1704 г. пока безымянному для нас знаменщику сослужили барабанщики, часть которых в ведомостях названа «старыми» (Афонасий Курицын и Никифор Григорьев²⁹), а часть — барабанщиками «из пушкарей»³⁰ (Григорий Ефтифеев Грибок³¹, Андрей Карпов, Иван Степанов Месниченко, Елисей Ильин сын Григорьев, Сергей Долина и Андрей Данилов³²). Был и старый литаврщик, о котором Брюс в мае 1707 г.

писал Н. П. Репнину, что *«старый литаврщик при смерти болен и нет надежды, чтобы обмогся»*³³. В этом письме Я. В. Брюс просил дать ему в полк в качестве литаврщика подпрапорщика Семена Ступника, который был *«искусен по литаврам бить»*.

С 1704 г. новому знаменщику *«из Саксонских земель»* Ягану Кнобелю на протяжении года или двух сопровождали на церемониях и в походах те же барабанщики из пушкарей, уже без *«старых»* и с добавлением еще четверых (Григорий Евтифеев, Андрей Карпов, Иван Мясниченко, Леонтий Борисов, Никифор Иванов, Андрей Данилов, Афонасий Яковлев, Елисей Ильин, Иван Григорьев, Сергей Долина³⁴). Вскоре же, поскольку старый литаврщик по болезни или старости уже не мог нести свою службу, а искусный в литавренном деле Семен Ступник так в полку и не появился, литаврщиком полка стал барабанщик Андрей Данилов, и пробыл он на этом посту очень долго, вплоть до 1723 г.

Видимо, тогда же, с 1705–1706 гг., полковое знамя стало вывозиться укрепленным в литавренной тележке. Вот почему прежняя особенная должность знаменщика в ведомостях пропадает, когда в 1706 г. Яган Кнобель получает повышение и чин поручика.

Другой знаменщик, Яган Горн, отправленный в Киев в 1704 г., тоже становится поручиком. В 1707 г. он служил при артиллерии в гарнизоне в Быхове. Кнобель же после 1708 г. был направлен в один из пехотных полков³⁵. О нем мы знаем также, что в 1708 г. за участие в *«строении фигур»* перед Петром I на праздновании Нового 1708-го года в Жолкове он был поощрен восемью локтями сукна³⁶. В 1710 г. в числе других офицеров-иностранцев он подал прошение об отставке в связи с желанием вернуться в свою землю. В 1711 г. его имя встречается в протоколе допроса канонира Тверева с товарищами *«об удовлетворении провиантом от поручика Кнобеля»*, где те свидетельствовали, что получали от поручика и хлеб, и галстуки, и сапоги³⁷. Видимо, он оставил службу в русской армии вскоре после 1710 г. Но так как он недополучил за службу в России часть своего жалованья, то не упустил случая обратиться с челобитной к русскому царю во время одного из последних посещений Петром Алексеевичем Дрездена. Я. В. Брюс писал в феврале 1714 г. генерал-майору Гинтеру, что, когда он с *«Его царским величеством был в Дрездене»*, капитан Кнобель, *«который у нас в Артиллерии был поручиком»*, бил челом царю, *«что ему жалования*

заслуженного не дано за 20 месяцев»³⁸. Царь приказал тогда Брюсу уплатить причитающееся капитану, но Брюс не мог установить дату увольнения Кнобеля от службы, поэтому он просил Гинтера по получении письма взять «сказку» у штык-юнкера Монса и сержанта Муромцева, которые вместе с Кнобелем были командированы из артиллерии в драгунский полк и вместе с ним были в Польше. Спустя 10 лет, в 1726 г. в ответ на челобитную 1724 г. вдовы капитана Кнобеля Луизы Кристины в артиллерийском управлении, увы, не могли сыскать справок о его службе и выяснить, кто он такой и служил ли в артиллерии³⁹.

Итак, с появлением литавренной коляски и литавр барабанщик Андрей Данилов был наряжен в новый мундир с серебряным немецким галуном и вышитым золотом и серебром гербом, и усажен в коляску, в которой также вывозилось огромное трехаршинное знамя полка с изображением двуглавого орла и пушки на колесах.

Тогда же появились в полку и два гобоиста-иноземца: «гобоисты мастера» Яган Кандратьев сын Ленес, Яган (Ян) Матис Крачевский⁴⁰. В начале 1707 г. к ним присоединились мальчишки-подростки из артиллерийской школы, которые незадолго перед отправкой на фронт были отобраны для обучения «гобойному делу» — «Антип Тимофеев сын, Михайла Федоров сын Учюзной, Иван Леонтьев сын, Петр Семенов сын Свешников и Василей Лукин сын Щербаков»⁴¹.

Я.В. Брюс в 1707 г. пытался через комиссара Никиту Павлова закупить гобой, причем первая партия весной сгорела при пожаре в мастерской⁴², вторая пришла только осенью стараниями капитана Шпаррейтера, нашедшего в Москве (искали также в Архангельске) мастера-иноземца, который, «приискав лесу», взялся за заказ⁴³.

Как видим, проблемы с инструментами были, но так или иначе они решались. Возможно, хуже было то, что «из школьных учеников в гобаисты охотников нет»⁴⁴. Так что те шестеро ребят из артиллерийской школы были неизменным составом полкового оркестра до конца Северной войны.

Среди вероятных причин нежелания идти в «гобаисты» могли быть опасения идти нетореным путем. Тем шестерым не только нужно было одним из немногих первых русских ребят осваивать тонкий музыкальный инструмент, но также столкнуться с недочетами перестраиваемой системы — присланные на фронт школьники-гобоисты не полу-

чали жалованье около года. В январе 1708 г. они писали очередную челобитную: «*Державнейший Царь, Государь милостивейший, в прошлом 1706 году декабря в... (день не указан. — А.Д.) по твоему Великого Государя указу учинены нам твоего государева жалованья оклады в год по десяти рублей. А о даче того жалованья артиллерии к полковнику Гинтеру твоего государева указу не прислано. Всемилостивейший Государь, просим Вашего Величества, повели, Державство Ваше, о даче нам своего государева жалованья артиллерии к полковнику Гинтеру артиллерийския походныя концелярии послать свой государев указ. Вашего Величества нижайшие рабы, артиллерии гобаисты, ученики Антип Тимофеев с товарищи, 5 человек*»⁴⁵.

В 1709 г. челобитную писал и литаврщик Андрей Данилов: «*Державнейший Царь, Государь... Служу я тебе, великому, в литаврицках с прошлого 1707 году, а твоего государева денежного жалованья идет мне кананирское: на год по двенадцати рублей. Всемилостивейший... прошу... повели... жалованья мне учинить прибавку. Вашего Величества нижайший раб, артиллерии литаврщик Андрей Данилов. 1709 году сентября в... (день не указан. — А.Д.)*»⁴⁶. Видимо, победа при Полтаве позволила надеяться на некоторые улучшения в содержании музыкантов. В том же 1709 г. появился 1 барабанщик при полевом штабе генерал-фельдцейхмейстера⁴⁷, куплены были у «*торгового иноземца*» Ивана Вернезбрэя четыре гобоя и один «*басон*»⁴⁸. Тогда же гобоистам, «*которые посланы в военной поход 2-м человеком*» были куплены шапки, овчинные шубы, башмаки, чулки, «*чарыки*» (мягкие сапожки. — А.Д.), галстуки и «*голицы с вариги*» (кожаные рукавицы с внутренними вязаными. — А.Д.)⁴⁹. Позже, через 2 года, шьется новый кафтан с позументом литаврщику⁵⁰.

В 1711 г., видимо, по договоренности и в связи с утверждением штатов Артиллерии, предполагавшем, судя по назначенному жалованью, содержание 6 только русских гобоистов (музыкантам-иноземцам всегда платили в 2–3 раза больше) выдается денежное вознаграждение (16 рублей) гобоисту Ягану Ленесу «*за учение на гобоях шести человек робят, которые были присланы с Москвы ис Приказу Артиллерии, и ныне обретаются в службе его царского величества при артиллерии в гобоистах*»⁵¹.

Обучающим мастером был не только Ленас, но и Крачевский, который просто не дождался обещанной государем награды. Об этом

сказано в челобитной Ленаса: *«Державнейший Царь, Государь Милостивейший, в прошлых годах, как я был в службе Вашего величества при Артиллерии гобоистом купно с товарищем своим умершим Матисом Крачевским, то даны нам были шесть человек ребят учить на гобоях, которых мы играть на оных выучили, и ныне оные обретаются в службе Вашего Величества во Артиллерии в гобоистах. А за учение оных обещано нам дать 100 ефимков. И в прошлом 1710-м году в декабре месяце за то учение оных дано мне только на мою долю 25 ефимков. А достальных 25 ефимков и по се число не дано. Всемилоостивейший государь, прошу вашего Величества да повелит, Державство Ваше, за учение оных по тому обещанию и против нашей капитуляции те достальные деньги моей доли выдать мне. Вашего царского величества нижайших раб, гобоист Яган Ленас. 1711 год, июля в... (день не указан. — А.Д.)»*⁵². Подписался Ленас латинскими буквами: *«Jogan Lenas»*.

Ребята, которых выучили иноземцы, участвовали в Прутском походе в 1711 г. Впервые их имена были опубликованы в работе Н. Е. Бранденбурга о «Русской артиллерии в Прутском походе 1711 года»⁵³: Антип Тимофеев, Иван Леонтьев, Петр Свешников, Михаил Учюзной, Василий Щербаков⁵⁴. Все выжили и в том же составе остались при полковом штабе после утверждения штата Артиллерии в 1712 г. С этого времени до начала Персидского похода Петра I в 1723 г. имена артиллерийских музыкантов встречаются изредка. В относительно мирное для полевой артиллерии время периода морских баталий Северной войны музыканты были распределены по гарнизонам, переводились из одного гарнизона в другой. Но в ведомости личного состава полевой артиллерии накануне Персидского похода собираются вновь при полковом штабе литаврщик Андрей Данилов и гобоисты Иван Леонтьев, Антип Тимофеев, Василий Щербаков, Иван Боханов, Андрей Набатов, Михаил Учюзной⁵⁵.

Мундир музыкантов с первых лет формирования петровской армии отличался нарядностью. Я. В. Брюс в переписке со своими комиссарами хлопотал о строевом кафтане литаврщика, обшитом *«серебряным немецким галуном»*⁵⁶. Мундир артиллерийских музыкантов по штату 1732 г. *«строился... по учиненным бывшим при Артиллерии генерал-фельдцейхмейстером Гинтером рисункам... Кафтаны и камзо-*

лы красные. Штиблеты пестрядинные синие. На кафтане, камзоле, обшлагах, воротнике и по борту на кафтане до полу, а на камзоле вокруг и по подолу, и назад на разрезе, и на клапанах позумента красного, белого и синего шелку смешанным гарусом, а на шляпы позумент золоченый»⁵⁷.

Цветные рисунки мундиров музыкантов артиллерийского полка 1728 г., сделанные в 1819 г. (т.е. более поздние копии с аутентичных образцов), из собрания военной графики Государственного Эрмитажа опубликованы в работе В. И. Егорова «...О мундире артиллерийского и инженерного корпусов 1721–1761»⁵⁸. Там же приведены тексты этих копийных «пунктов» с соответствующей критикой источника⁵⁹. Дополняет эти описания мундира музыкантов «Анштальт» 1724/26 (?) г. с перечнем амуниции и оружия музыкантов артиллерии: шпак, фляк, портупей с пряжками и ранцев. К этому еще 63-м барабанщикам полка предполагалось выдавать раз в 3 года медные барабаны, барабанные кожи, чехлы, струны в пучках и барабанные наметы, 8-ми гобоистам раз в 5 лет — гобои, а литаврщику раз в 5 лет — пару литавр «с убором», коляску «с убором» же, строевой мундир (который был дороже коляски в 2 раза). В год барабанщики обходились полку в 35 рублей 49 копеек, гобоисты — в 9 рублей 57 копеек, а литаврщик — в 33 рубля 53 копейки⁶⁰. Таким образом, расходы на литаврщика в год приблизительно были равны расходам на всех барабанщиков полка.

Инструменты полковых музыкантов к 1720–30-м гг. уже перестали быть уникальными диковинками, особенно после появления в ходе Северной войны большого числа трофейных⁶¹, однако их приобретение и содержание было все еще делом хлопотным.

В начале XVIII в. барабаны делали из дерева и кожи, а дерево для гобоев можно было «приискать в лесу». В 1720–1730-е гг. кожу натягивали на медные барабаны, а флейты, ставшие основными духовыми военных оркестров, изготавливали из стволов пальмы длиной «по одному аршину, толщиной в диаметре по одному вершку с четвертиной», или же за неимением пальмы искали «клену чистаго, самого добраго»⁶². Материал для медных барабанов купить было тоже непросто, поэтому если на Гостином и Мытном дворах ничего не находили, то приходилось обращаться за помощью в Адмиралтейство⁶³.

В 1720-е годы не было единого устоявшегося образца для изготовления барабанов, и каждый раз, когда нужно было приобрести новый инструмент, по цепочке передавались распоряжения и запросы из Канцелярии Главной артиллерии в московскую артиллерийскую контору и обратно. Художественным оформлением артиллерийских регалий по-прежнему занимались в Москве: «...а каковым надлежит им (барабанам. — А.Д.) быть величиною и какие гербы на них учредить, послать из Москвы из артиллерии рисунок, которой учинить исправно артиллерийскому штык-юнкеру... немедленно»⁶⁴. Отметим, что музыкальные инструменты (литавры, трубы, барабаны), изображения которых, кстати, часто, украшали композиции военной арматуры из пучков копий и знамен, в отличие от элементов амуниции (таких как шпага) сами по себе не являлись символами, но активно использовались в знаковой системе новой культуры. На барабанах, например, изображалась государственная символика, эмблемы полка.

Относительно истории участия артиллерийского полка в военных парадах надо заметить, что Артиллерийское управление не только обеспечивало своему полку эффектные выходы, но и часто брало на себя основные заботы по организации торжеств. Это касалось и сложных фейерверков, и текстильного убранства: например, в 1710 г. было использовано красное мундирное сукно для «убрания Иордани на Богоявлениев день»⁶⁵. В итоге к 1724 г. оно было попорчено, и решался вопрос о том, куда его употребить дальше. Приготовления к торжествам, как правило, шли напряженно, в кратчайшие сроки накануне. В последний момент восполнялись недостатки в парадной амуниции. Так, по распоряжению Миниха от 12 января 1732 г. для торжественной церемонии встречи Её Императорского Величества срочно, за сутки изготавливались к литаврам завесы из «хорошего сукна: верх ис красного, а внизу зеленого, волнисто, со обложением золотым позументом, шириною в два или три перста, наилутчим образом... и что к тем литаврам потребно, отпустить по требованию литаврщика»⁶⁶. При этом Миних сам составлял «Диспозицию и церемониал торжественного въезда императрицы Анны Ивановны в Санкт-Петербург 16 января 1732 г.»⁶⁷.

В те годы Миних, возглавляя Военную коллегия и деятельность Военской комиссии, проводил реформы в армии, разработал новые

штаты, тогда же при нем были открыты гарнизонные школы для солдат. Так, в 1728 г. в Санкт-Петербургском гарнизоне была «школа для обучения малолетних солдатских детей всяким наукам, в том числе и музыке», и для обучения были «*потребны... одна пара литавр*», которые можно было взять в Санкт-Петербургском цейхгаузе, но с возвратом⁶⁸.

Одновременно, будучи генерал-фельдцейхмейстером (1730–1735), Миних проводил преобразования в артиллерии. В кругу его забот был также полковой оркестр, который он, видимо, намеревался численно увеличить⁶⁹.

Проблема обучения музыкантов зачастую решалась прямо в полку. Так, в мае 1732 г. Миних определяет Ямбургского полку барабанщиков Семена Якимова и Ивана Короткого «*в литаврщиковы ученики... при литаврщике артиллерийском*»⁷⁰, зачисляя их на должность фузелей-ров. Летом того же года поступили в ротные барабанщики обучившиеся в полку рекруты Кирилл Кандратьев и Абрам Стулов, «*которые де по желанию их обучились барабанному бою и по свидетельству явились быть достойны*»⁷¹.

В 1730-е гг. появилось новое веяние в военной музыке, и музыканты поспешно обучались новой манере игры. В сентябре 1732 г. были высланы в Низовой корпус флейтчики и барабанщики для обучения новой игре на флейтах и новому барабанному бою и 12 флейт для новой «*флейтной игры*»⁷². Причем, судя по «*промемории*» от 30 октября 1732 г. принца Людвига Гессен-Гомбургского, находившегося в Низовом корпусе в качестве главнокомандующего военными действиями на Кавказе, предполагалась даже выдача аттестата барабанщикам и флейтчикам, которые были отправлены в Персидский корпус для «*обучения новому барабанному бою и игrania на флейтах*»⁷³. Сведений о присылке все новых и новых обучающихся из разных полков (Московского, Нарвского, Воронежского и др.) встречается довольно много⁷⁴.

Обучение новой манере барабанного боя на протяжении 30-х гг. проводилось при полевой артиллерийской команде⁷⁵ (28 февраля 1735 г.). Новой манере игры, видимо, должны были соответствовать и барабаны, сделанные «*по Новому воинскому статусу манером, а не старых калиберов*»⁷⁶.

Одновременно шился музыкантам и новый мундир, «*как о том в новом статусе*» было предписано о строении «*трубачам, литавр-*

щикам, гобоистам и барабанщикам верхняго мундира с шерстяными цветными галунами по бортам и по швам»⁷⁷.

Тогда же в «*коры*» артиллерийского полка добавляются новые музыкальные инструменты — валторны и басы. В целом же уровень навыков в ремесле оркестрантов повышался благодаря организации музыкального образования при гарнизонных школах.

Новый виток развития с петровских времен⁷⁸ получила и церемония парадного смотра, подробно расписанная в высочайше утвержденном докладе Сената от 9 марта 1732 г. «*О смотре и обучении полков*»⁷⁹. В нем, правда, не говорится об артиллерийском полку, но, как мы понимаем, большею частью этот документ был подготовлен Минихом, и для артиллерийского полка он мог скорректировать опубликованный регламент по своему усмотрению⁸⁰. В указе говорится, что дважды в год, весной перед началом кампании и осенью по ее окончании, должны проводиться генеральные смотры. Большое внимание при этом уделялось звуковому сопровождению. На параде 1732 г. должны были звучать разные ритмы и сигналы: Генеральной марш с флейтами, «*когда всему войску велено будет маршировать*»⁸¹; «*Утренняя зоря, или Побудок*»; «*Сбор*»; «*Раши*»; Гренадерской марш с флейтами; Мушкетерской марш без флейт; Гренадерской с поля с флейтами; Мушкетерской с поля; «*На работу*»; «*Шабаш*» без флейт; Гренодерская тапча с флейтами; Мушкетерская тапча без флейт; «*На молитву*» без флейт; «*Тревога*» с малыми флейтами.

Обучать барабанщиков и флейтистов всем этим сигналам и маршам должен был находящийся при артиллерийской команде в Санкт-Петербурге обер-фейфер Яган Давыд Ягелзив⁸². Ему должны были заплатить по два рубля за каждого обученного флейтщика и по рублю за каждого барабанщика, лучших из которых командировали для обучения из разных полевых и гарнизонных команд. Однако ему тоже пришлось писать доношение в связи с тем, что вознаграждение за свое преподавание он еще не получил⁸³.

Генерал-фельдмаршал Миних не только составлял «*диспозиции*»⁸⁴ — порядок выхода и построения войск, чертил планы для парадов, но даже оставил на память о своем вкладе в историю строевой подготовки марш, точнее сигнальный бой, называемый «*Миниховым*»⁸⁵.

Итак, в 1730-е гг. состав «кора» музыкантов при штабе: обер-фейфер Давыд Ягелзиб (его имя в разных документах имеет разное написание), литаврщик Елисей Дугинин, «над гобоистами подмастерье» Василий Щербаков, гобоисты Антип Тимофеев, Макей Швылев, Григорий Поцераев, Михайло Рудиев, Андрей Набатов, Иван Журавлев и Иван Лоботряс⁸⁶; в ротах барабанщики: Алексей Дохтуров, Иван Щербаков, Федор Помелов, Абрам Стулов, Алексей Гамов, Федор Ланеев, Михаил Колмагоров, Дмитрий Иванов; добавились еще в некоторые роты к барабанщикам трубачи, или «фейферы»: Гаврила Михайлов и Андрей Миронов⁸⁷.

Полковой литаврщик Елисей Дугинин в 1734 г. подал доношение к Артиллерийской полевой команде, в котором сообщил о ветхости своего мундира, построенного в 1712 г. (т.е. доставшегося ему от прежнего литаврщика Андрея Данилова), так что, по словам Дугинина, «*ежели случитца время к походу, то уже ево надевать за ветхостию невозможно*». Там же говорится и о ветхости литавренных завес, «*тафтяных, живописных*», того же времени изготовления, у которых «*бахрама и кисти шелковыя изодрались*» и «*впредь бес починки к действию негодны*»⁸⁸. И вскоре же, 29 марта 1734 г. генерал-лейтенант от артиллерии грузинский царевич Бакар отдает распоряжение сделать литаврщику Елисею Дугинину новый строевой кафтан и литавры починить⁸⁹. К сожалению, мы пока не знаем, чем завершилось это благое распоряжение, так же как и другое, Миниха, по поводу литавренных завес накануне встречи Её Императорского Величества в Петербурге в 1732 г.

Чин литавриста обладал определенным иммунитетом к привлечению к работам не по специальности, но барабанщикам регулярно приходилось выполнять разнообразные поручения помимо своих прямых обязанностей: самим налаживать свой инструмент⁹⁰ или дежурить на каком-нибудь объекте, например, пушечном дворе, «*для битья тревоги в пожарное время*»⁹¹, в походе их могли привлечь к закапыванию падали и нечистот⁹².

Такой универсализм барабанщиков вполне увязывается с иронической оценкой Манштейна, наблюдавшего принцип отбора музыкантов из рекрут, о «*прекрасных концертах, которые разыгрываются в армии*»⁹³.

Миних как главнокомандующий русской армией в Русско-турецкой войне 1735–1739 гг. тоже был недоволен в целом состоянием полковой музыки своей армии и среди его приказов за 1739 г. был пункт, в котором он рекомендовал сократить в полках музыкантов до минимума, остальных определить в драгуны или солдаты, «*пока лучшие капельмейстеры сысканы будут*»⁹⁴. Но у нас есть основания полагать, что «*музыка*» Артиллерийского полка была одной из лучших. Что касается внешнего вида знаменной группы артиллерийского полка, в 1730-е гг. мы можем лишь констатировать, что к 1734 г. литаврищик уже не мог носить свой строевой кафтан за ветхостью, не мог использовать литавренные завесы по той же причине, а знамя требовало починки уже с середины 20-х гг. Его чинили и латали, и с ним артиллерия ходила в походы с 1721 по 1738 гг.

Во времена генерал-фельдцейхмейстера принца Людвиг Гессен-Гомбургского (1735–1745), которого, безусловно, привлекала праздничная, парадная сторона деятельности в его военной службе, после очередной Крымской кампании в 1737 г. были сделаны чертежи старому и будущему новому знамени⁹⁵. В Артиллерийской конторе в Москве должны были позаботиться о его изготовлении. Новое, больше трех аршин в длину и вышину, с шитыми изображениями неизменных черного двуглавого орла и пушки на колесах, с тяжелыми золотыми кистями, оно было построено и отправлено прямо в Крым весной 1738 г. Это, собственно, единственное артиллерийское полковое знамя, которое с некоторыми поновлениями сохранилось до наших дней⁹⁶.

Знамя упоминалось в числе достопримечательностей Санкт-Петербурга с конца XVIII в.⁹⁷, затем был опубликован его неточный рисунок в описании полковых регалий Русской армии А.В. Висковатова⁹⁸, где знамя датируется 1757 г.

Первое исследование о нем было сделано Н.Е. Бранденбургом по поручению генерал-фельдцейхмейстера великого князя Михаила Николаевича⁹⁹. В работе также приводятся сведения о самом первом знамени полка 1705 г. при возглавлявшем Артиллерию Я.В. Брюсе, а время создания сохранившегося последнего артиллерийского знамени сдвинуто к 1745 г.¹⁰⁰ В соответствии с форматом публикаций того времени ссылок к работе нет, но старые шифры на некоторые документы по артиллерийским знаменам содержатся в каталоге под названием

«Архив Русской Артиллерии», составленном Д.П. Струковым¹⁰¹. Таким образом, подтверждение некоторым приводимым в статье сведениям удалось найти.

Полемика по вопросу атрибуции знамени последовала в работах исследователей XX в., настаивавших на той или иной дате создания, основываясь на анализе косвенных свидетельств (П. Д. Львовский, Л. К. Маковская, А. Р. Круглова)¹⁰². Позже удалось найти его подробное описание в ведомости 1740 г. артиллерийских припасов, бывших в артиллерийском цейхгаузе в 1739 г. Последняя уточняющая находка — это письмо от 13 апреля 1738 г. генерал-фельдцейхместеру Людвигу Гессен-Гомбургскому военного советника Канцелярии Главной артиллерии Михаила Опачина с сообщением об отправке знамени: *«...из Москвы от нас все отпущено, кроме одного знамя и литавренных завесов, а означенное знамя, надемся, неотменно ж чрез четыре дни из Москвы в Переволочню, чрез нарочного куриера отправим и обо всем к вашей... светлости представлять буду впредь обстоятельно»*¹⁰³. Таким образом, новое роскошное шитое полковое артиллерийское знамя и новые литавренные завесы были готовы уже к апрелю 1738 г.

Можно быть уверенными в том, что Артиллерия была представлена на торжественном параде 27 января 1740 г. в честь заключения мира с Турцией во всем блеске своих новых регалий. Мы не знаем пока наверняка, была ли на параде литавренная коляска, так как в описании парада в периодике того времени упоминания о колеснице не нашлось¹⁰⁴. Но в Экстракте из штатов «О всей положенной денежной сумме... артиллерии», подписанном принцем Людвигом Гессен-Гомбургским и генералом де Генином в 1742 г., указана цена за новое знамя и литавры с коляской — *«155 рублей 80 копеек»*¹⁰⁵. В той же таблице рядом с приведенной «единовременной» суммой указана сумма расходов «годовая», для знамени с литаврами и коляской — 8 и 11. По нашему предположению, сумма выделялась на расходы по ремонту и уходу за этими вещами.

В военных походах 1730-х гг. коляской, видимо, не пользовались, так как по указу Её Императорского Величества в январе 1732 г. велено было сделать в Санкт-Петербургском арсенале *«к седлам четыре железные крюка, на которых висеть будут литавры»*, и отдать их *«артиллерии литаврицку»* Елисею Дугину¹⁰⁶.

В скором времени артиллерийское знамя с его тяжелыми кистями должно было «уклоненным» почтить память почившей императрицы Анны Иоанновны. После двух дворцовых переворотов оно же выносилось для торжеств в честь императрицы Елизаветы Петровны. Парадоксально, но «дщерь» Петра Великого, изгоняя иноземцев из кругов, приближенных к власти, демонстрировала, тем не менее, «возврат» к петровским, ориентированным на Европу, порядкам, везде, где только можно. Это коснулось и нового барабанного боя — по указу Её Императорского Величества 1742 г. «...велено в Санкт-Петербурхе и в прочих местах при артиллерийских и инженерных командах справиться... как экзерциция, так и барабанный бой таким ли образом происходит, как было при жизни государя императора Петра Великаго»¹⁰⁷.

Но даже если и были убраны из репертуара военных оркестров некоторые марши или новые ритмы сигналов опять заменили на старые, все же уровень музыкальной подготовки оркестрантов, несомненно, значительно повысился за время руководства ими иноземцами. Учреждены были гарнизонные школы, в которых обучались полковые музыканты, практика интенсивного обучения в походе тоже была освоена, не прошло даром усиленное внимание главнокомандующего графа фон Миниха к проведению военных смотров, торжественных парадов. Об этом же свидетельствует и расширение оркестра, включение в него новых инструментов. Так, в марте 1741 г. капельмейстер Франц Нойбауэр (тезка известного композитора) закупал для артиллерийского оркестра «гобойский инструмент»: волторны, трубы, гобой и «басы»¹⁰⁸.

Таким образом, в первой половине XVIII в. полковым регалиям и военному оркестру высшим руководством артиллерии уделялось достаточно много внимания. Правда, распределялось оно неравномерно. В первые годы существования полка Я. В. Брюс создавал знамя и оркестр в обстановке большого нервного напряжения — препятствия или промедления в доставке заставляли его принимать трудные решения, например, о построении знамени прямо в походе или о замене только изготовленного, но попортившегося комплекта регалий новыми; гобоистам-иноземцам обещано было солидное (так и не выплаченное) вознаграждение за обучение юных русских музыкантов. После ухода Брюса настал период, когда знамена и мундиры изнашивались до плачевного состояния и не заменялись новыми из-за нехватки

денег. Зато много расходов и сил было положено на качество «военной музыки», по распоряжению генерал-фельдмаршала Миниха и под руководством обер-фейфера артиллерийской команды в Санкт-Петербурге шло интенсивное обучение новым сигналам и ритмам музыкантов разных полков и гарнизонов. Это дает основания полагать, что в Артиллерии полковой оркестр был одним из лучших в сухопутной армии.

Очевидно также, что сохранялось понятие о необходимом великолепии полковых регалий. В итоге оно и воплотилось при генерал-фельдцейхмейстере принце Людвиге Гессен-Гомбургском во впечатляюще роскошных шитых разными шелками знамени и литавренных завесах.

По восшествии на престол Елизаветы Петровны были внесены не только ретроградские изменения в стиле полковой музыки. Должно было быть «подправлено» и полковое знамя, на котором следовало заметить вензель императрицы. Но, судя по сохранившемуся великолепному шитью знамени 1738 г. и тому, что к концу XVIII в. музыкантов артиллерийского полка приглашали к участию в музыкальном сопровождении торжеств в императорском дворце¹⁰⁹, мы уверены, что полковые церемониальные традиции с участием полковых регалий оставались на самом высоком уровне. Последний штрих к блеску артиллерийских регалий добавил генерал-фельдцейхмейстер П.И. Шувалов, распорядившийся построить роскошную литавренную колесницу в 1760 г.¹¹⁰

Таким образом, мы видим, что наряду с произошедшей в начале XVIII в. заменой сложных многофигурных церковных изображений на лаконичную государственную и специфически артиллерийскую символику¹¹¹, глава Артиллерии Я.В. Брюс создал концептуально продуманный комплекс артиллерийских регалий, включавший в себя не только полковое знамя, но и литавренную колесницу с литаврами, барабаны и мундиры всех, кто нес регалии, и эта концепция, по возможности, поддерживалась сменившими его генерал-фельдцейхмейстерами вплоть до отмены полковых знамен в артиллерии после смерти главы Артиллерии графа П. И. Шувалова, в царствование Екатерины II в 1763 г.

К счастью, сохранившиеся после войн и эвакуаций материалы архива ВИМАИВиВС дают возможность прояснить историю появления, развития и бытования артиллерийских полковых регалий XVIII в. и берегут имена тех, кто нес эти регалии в бой, вдыхал в них жизнь своей службой и искусством.

Ссылки

¹ Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ).— СПб., 1914.— Т. 20.— Ч. 2.— С. 454.

² См.: Яковлев Л. Русские старинные знамена.— М., 1865.

³ Бенда В. Н. «Присяга на верность...» как одно из средств формирования традиций Русской армии и патриотизма в России XVIII в. // Вестник Челябинского государственного университета.— 2009.— № 12 (150).— Вып. 31.— С. 56–62.

⁴ Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (далее — Архив ВИМАИВиВС). Ф. 2. Оп. 1. Д. 3. Л. 103, 105.

⁵ Там же. Д. 33. Л. 21; Там же. Д. 37. Л. 77–77 об.

⁶ Бранденбург Н. Е. Об артиллерийском знамени в XVIII столетии // Артиллерийский журнал.— 1885.— № 4.— С. 225–229; Опубликованный текст документа, свидетельствующего о знамени 1705 г. (Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4. Л. 368, 368 об.), см.: Круглова А. Р., Смоленчук Е. В. Еще раз об артиллерийском знамени 1745 года // Сборник исследований и материалов Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи.— СПб., 2010.— Вып. IX—С. 381;

⁷ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 6. Л. 456, 457, 459.

⁸ Ефимов С. В., Маковская Л. К., Филимон А. Н. От Гродно до Калиша: Я. В. Брюс в 1706 г. // Архив генерал-фельдцейхмейстера Якова Вилимовича Брюса. Т. 2. Письма Я. В. Брюса (1705–1706 гг.).— СПб., 2005.— С. 28; Круглова А. Р., Смоленчук Е. В. Еще раз об артиллерийском знамени...; Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. Л. 237.

⁹ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. Л. 208.

¹⁰ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. Л. 208.

¹¹ Там же. Л. 193 об., 220, 223, 223 об.

¹² Там же. Л. 209.

¹³ Там же. Л. 230, 231 об., 240 об.

¹⁴ Там же. Л. 235 об.

¹⁵ Архив ВИМАИВиВс. Ф. 2. Оп. 1. Д. 10. Л. 561.

¹⁶ Там же. Л. 559.

¹⁷ Там же. Л. 235 об., 237.

¹⁸ Там же. Л. 237. Эта часть «письма» была опубликована впервые в кн.: Ефимов С.В., Маковская Л.К., Филимон А.Н. От Гродно до Калиша... — С. 28.

¹⁹ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 10. Л. 204.

²⁰ Возможно также, прототипом эмблемы артиллерийского полка послужило изображение смоленского знамени генерал-майора В.И. Швейковского, построенное в 1687 г.: «...длина 2 аршина полпята вершка, поперег два аршина с четвертью; середина камка белая китайская, кругом камка алая немецкая; в середине с одной стороны писан орел по золоту двояглавной, с колунами и з державою; в середине орла писан ездец, поверх орла на койме крест в звездах, поверх креста подписано: «Иисус Христос»; под орлом печать Смоленская: в клейме пушка, на ней птица гамаюн; на койме по алой камке писано травы по золоту...» (см.: Яковлев Л. Русские старинные знамена... — Ч. 1. — С. 79).

²¹ См.: Лукомский В.К. К вопросу о происхождении Смоленского герба // Труды Историко-архивного института. — М., 1946. — Т. 2. — С. 71–76.

²² Луппов С.П. Книга в России в первой четверти XVIII века. — Л., 1973. — С. 184–203.

²³ Там же. С. 353.

²⁴ *Symbola et Emblemata*. Amsterdam, 1705. P. 16–17 (№ 43), 22–23 (№ 62), 135 (№ 400, 401). Такие же бомбы, как на эмблемах 400–401, кстати, были на трофейном шведском знамени 1707–1710 из Государственного Эрмитажа. См.: «Совершенная Виктория». К 300-летию Полтавского сражения: Каталог выставки. — СПб, 2009. — С. 370. Кат. № 331.

²⁵ Белавенец П.И. Краткая записка о старых русских знаменах. — СПб., 1911. — С. 18.

²⁶ Бранденбург Н. Е. Исторический каталог С.-Петербургского Артиллерийского музея. Ч. 3. — СПб., 1889. — С. 340–396. Кат. № 619–692. Таб. 11–14, кат. № 675, 676, 621, 619, 655, 624, 620, 623.

²⁷ См.: Круглова А. Р., Смоленчук Е. В. Еще раз об артиллерийском знамени... — С. 380.

²⁸ *Symbola et Emblemata...*

²⁹ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3. Л. 56.

³⁰ Там же. Л. 56, Л. 57 об.

³¹ Евтифеев, Карпов и Ильин были ребятами, обучавшимися в артиллерийской школе (Архив ВИМАИВиВС Ф. 2. Оп. 1. Д. 10. Л. 150 об. — 151 об.).

³² Архив ВИМАИВиВС Ф. 2. Оп. 1. Д. 10. Л. 57 об.

³³ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 33. Л. 191.

³⁴ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 32. Л. 30 об.

³⁵ Там же. Л. 123, 134, 137, 543 об.

³⁶ Там же. Л. 620–621.

³⁷ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 7. Л. 726–727.

³⁸ Там же. Д. 164. Л. 6–6 об.

³⁹ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 2. Д. 108. Л. 62.

⁴⁰ В более поздних документах его первое имя — Ян, что, конечно, лучше сочетается с польской фамилией.

⁴¹ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 32. Л. 123 об.

⁴² Там же. Д. 33. Л. 276.

⁴³ Там же. Л. 653, 709.

⁴⁴ Там же. Л. 712.

⁴⁵ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 37. Л. 588, 792.

⁴⁶ Там же. Д. 40. Л. 929.

⁴⁷ Там же. Л. 32–33.

⁴⁸ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 39. Л. 739.

⁴⁹ Там же. Д. 40. Л. 568.

⁵⁰ Там же. Д. 131. Л. 342.

⁵¹ Там же. Л. 313.

⁵² Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. Ф. 2. Оп. 1. Д. 7.

⁵³ Бранденбург Н. Е. Русская артиллерия в Прутском походе 1711 года // Артиллерийский журнал. — 1897, № 1. — Отд. неоф. — С. 1–24.

⁵⁴ Там же. — С. 22–23.

⁵⁵ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 3. Д. 6. Л. 6–6 об.; Д. 67. Л. 1.

⁵⁶ Там же. Ф. 2. Оп.1. Д. 9. Л. 358, 437.

⁵⁷ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 34 (Личный фонд В.А. Бибикова). Оп. 1. Д. 12. Л. 5–5 об. (Под руководством В.А. Бибикова была проведена большая работа по реконструкции истории русского военного мундира, включая артиллерийский, но по наивной традиции того времени, ссылок она лишена).

⁵⁸ Егоров В.И. «По усмотрению генералов фельдцейхмейстеров...» О мундире артиллерийского и инженерного корпусов 1721–1761. // Наш восемнадцатый век: Военный сборник. — М., 2014. — С. 106–292.

⁵⁹ Там же. — С. 154–155.

⁶⁰ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. Сб. Д. 3333. Л. 48–49.

⁶¹ См.: Недоспасова А.П. Как царь Петр взятыми под Полтавой «швецкими габоями» отечеству пользу учинил // Петровское время в лицах — 2014: К 300-летию победы при Гангуте (1714–2014). материалы научной конференции. Труды Государственного Эрмитажа. Т. 73. — СПб., 2014. — С. 280–286.

⁶² Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. Сборная. Д. 1837. Л. 2. Выражаю глубокую благодарность Л.В. Глазуновой, указавшей мне на этот документ.

⁶³ Там же. Ф. 2. Оп. 2. Д. 173. Л. 56.

⁶⁴ Там же. Д. 73. Л. 14.

⁶⁵ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 2. Д. 73. Л. 13–13 об.

⁶⁶ Там же. Оп. ШГФ. Д. 108. Л. 33.

⁶⁷ Миних Б.К., фон. Диспозиция и церемониал торжественного въезда императрицы Анны Ивановны в С.-Петербург 16 января 1732 года / Сообщ. М.Д. Хмыров // Русский архив. — 1867. — Вып. 3. — Стб. 332–341.

⁶⁸ Архив ВИМАИВиВС. Там же. Ф.2. Оп. 2. Д. 234. Л. 195.

⁶⁹ Там же. Оп. ШГФ. Д. 108. Л. 318.

⁷⁰ Там же. Д. 108. Л. 403.

⁷¹ Там же. Л. 631.

⁷² Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 181. Л. 2, 11.

⁷³ Там же. Д. 180. Л. 36–37.

⁷⁴ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 179. Л. 71 об., 79 об., 80 об.

⁷⁵ Там же. Оп. Полк. Д. 441. Л. 232.

⁷⁶ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 179. Л. 47 об.

⁷⁷ Там же. Д. 176. Л. 104.

⁷⁸ О воинских церемониалах в России см.: Захарова О.Ф. Власть церемониалов и церемониалы власти в Российской империи XVIII — начала XX века. — М., 2003. — С. 147–190.

⁷⁹ Полное собрание законов Российской империи. — Т. 8. — № 6046. — С. 777–800.

⁸⁰ Весь порядок выхода войск на парад был четко расписан, одна из копий, отосланная полковнику князю Репнину отражает регламент, содержащийся в упомянутом указе от 9 марта 1732 г. (Архив ВИМАИВиВС. Ф.2. Оп. ШГФ. Д. 176. Л. 285–292 об.).

⁸¹ Там же. Л. 254–254 об.

⁸² Там же. Л. 416–416 об.

⁸³ Там же. Л. 254–254 об.; 419–419 об., 522.

⁸⁴ Там же. Л. 501.

⁸⁵ Тутунов В.И. История военной музыки Росси. — М., 2005. — С. 73.

⁸⁶ Архив ВИМАИВиВС. Ф.2. Оп. Полк. Д. 439. Л. 153.

⁸⁷ Там же. Л. 153 об.—155.

⁸⁸ Там же. Л. 49.

⁸⁹ Там же. Л. 169.

⁹⁰ Архив ВИМАИВиВС. Ф.2. Оп. Полк. Д. 478. Л. 234.

⁹¹ Там же. Д. 415. Л. 12 об.

⁹² Приказы графа Миниха за 1736–1738 гг. — СПб., 1904. — С. 41–42, 279.

⁹³ Манштейн Х.Г. Записки Манштейна о России. 1727–1744. — СПб., 1875. — С. 122

⁹⁴ Масловский Д.Ф. Ставучанский поход: Документы 1739 г. — СПб., 1892. — С. 165.

⁹⁵ Один из них хранится в архиве ВИМАИВиВС (Ф. 27. Оп. 15. Д. 223. Л. 1).

⁹⁶ Архив ВИМАИВиВС. Инв. № 9/6431; размер 223 × 200 см.

⁹⁷ Георги. Описание российско-императорского столичного города С.-Петербурга и достопамятностей оного. — СПб., 1794. — С. 113; Свинын П.П. Достопамятности Санкт-Петербурга и его окрестностей. Ч. II. — СПб., 1816. — С. 190.

⁹⁸ Висковатов А.В. Историческое описание одежды и вооружения Российских войск. Ч. 3. — СПб., 1899. — С. 83. Рис. 382.

⁹⁹ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 22. Оп. 92. Д. 41. Л. 28–28 об.

¹⁰⁰ Бранденбург Н. Е. Об артиллерийском знамени... — С. 225–229.

¹⁰¹ Струков Д. П. Архив Русской Артиллерии. Т. I. (1706–1718 гг.) — СПб., 1889. — С. 94–95.

¹⁰² Львовский П. Д. Знамена Отечественной артиллерии: Исторический очерк // Сборник исследований и материалов Артиллерийского исторического музея. — Л., 1958. — Вып. 2. — С. 246–250; Маковская Л. К. Уникальные памятники военной истории // Музей военной истории и боевой славы: Сборник статей и материалов, посвященных 240-летию музея. — СПб., 1996. — Вып. 7. — С. 282–301; Круглова А. Р. Новая атрибуция артиллерийского полкового знамени // Война и оружие: Новые исследования и материалы. Труды Третьей международной научно-практической конференции. — СПб., 2012. — Ч. 2. — С. 62–66; Львовский П. Д. в своей работе ставил целью представить историю пушкарских и артиллерийских знамен вплоть до ВОВ. Исследование Л. К. Маковской, посвященное в основном литавренной колеснице 1760 г., расширило представление об артиллерийских регалиях, отношении к ним современников, использовавших их даже ветхими по своему прямому назначению — освящать церемонию присяги, представлять честь полка в битвах и на торжественных выходах полка.

¹⁰³ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 501. Л. 325.

¹⁰⁴ См., например, ежегодное приложение к Санкт-Петербургским ведомостям за 1740 г. под заголовком «Краткое описание торжества, с которым славный мир в С.-Петербурге празднован» (Примечаний на ведомости в Санкт-Петербурге 1740 (год). — СПб., 1740. — С. 61–92).

¹⁰⁵ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. Сборн. Д. 3338. Л. 2, 10. (Выражаю глубокую благодарность В. Н. Бенде, указавшему мне на этот документ.)

¹⁰⁶ Там же. Сборная. Д. 1968. Л. 1–3. (Выражаю глубокую благодарность Л. В. Глазуновой, указавшей мне на этот документ).

¹⁰⁷ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ГП. Д. 319. Л. 131.

¹⁰⁸ Там же. Оп. Полк. Д. 483. Л. 212–212 об.

¹⁰⁹ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 4730; 4802, 4867, 4962, 5009, 5032, 5075, 5125, 5176, 5229.

¹¹⁰ Маковская Л. К. Уникальные памятники... — С. 286.

¹¹¹ О том же пишет К. К. Мамаев по поводу смены системы символов и художественного стиля в знаменных изображениях петровского

времени: «...Борьба за гегемонию светской власти сказалась в вытеснении и почти полном исчезновении религиозной символики с полотнищ знамен, в замене религиозных символов аллегориями светского характера, порою взятыми из арсенала мифологии» (Мамаев К.К. Символика знамен петровского времени // Труды Государственного Эрмитажа.— Л., 1970.— Т. XI.— С. 34–35).